

О РУССКОМ ШЕЛЛИНГИАНСТВЕ (проблема заимствования философской системы)

О.В. Филатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления

filatovaolgav@yandex.ru

В статье представлен анализ процесса ассимиляции философии Шеллинга в русской культуре первой трети XIX в. контексте типологии преемственности. На примере деятельности школы русского шеллингианства представлены такие уровни преемственности, как ученическое подражание, влияние традиции и ее наследование в снятом виде. Необходимо выработать методы анализа феномена преемственности в рамках философской проблематики в связи с тем, что вопрос об оригинальности русской философской мысли является одним из ключевых моментов дискуссии о концептуальном статусе русской философии.

Ключевые слова: русская философия первой трети XIX в., русское шеллингианство, преемственность, рецепция, метод анализа, проблема оригинальности русской философии.

Конечно, вся наша философия, как и вся наша образованность, заимствованная. Но так оно и должно быть... Чуткость к чужим учениям – наилучший залог успешного развития философии

А. И. Введенский. Судьбы философии в России

Все, что Россия имела и дала философского, все это родилось либо из прямого подражания, либо из бессознательного подчинения себя чужим влияниям, либо из эклектического стремления слепить воедино несколько господствующих чужих течений.

Б.В. Яковенко. Очерки русской философии

Проблема оригинальности философской мысли в России является одним из аспектов дискуссии о концептуальном статусе русской философии. «Подражательство русской философии» или «чуткость к чужим учениям» – коннотации данных характеристик зависят от индивидуальной позиции автора и шкалы оценок. Если брать за основу модель генезиса античной философии, когда философия рождается впервые, тогда, действительно, следует признать, что истин-

ное философское творчество должно начинаться с «чистого листа», с акта творения. Одновременно с этим стоит учитывать, что сам феномен культуры неразрывно связан с явлением преемственности, а именно: в процессе развития последующие поколения и соседствующие цивилизации наследуют достижения предшествующей или более развитой культуры в снятом, концентрированном виде. Философия, как часть культуры, по закону целого и части, не может творить-

ся в абсолютной изоляции, если культурное окружение предлагает готовые «философские образцы». Таким образом, вопрос об оригинальности русской философии и о роли заимствования в ее генезисе не должен сводиться к констатации наличия или отсутствия воспринятых элементов, но должен быть направлен на выяснение качественной специфики феномена преемственности на русской почве.

Ю.В. Стенником была предложена типология видов преемственности, которая дает определенный инструментарий для анализа столь неоднородного и внутренне многоликого явления как феномен заимствования. Наиболее простой вид преемственности, ее низшую ступень представляет собой ученическое подражание, где традиция не является фактором формирования нового качества, ее задача состоит в том, чтобы ввести молодого творца в мир выработанных ценностей и шаблонов, которые могут служить для него своеобразной школой. На данном этапе творческий акт в значительной мере сводится лишь к повторению старых форм и содержания. На более высокой ступени преемственности, на уровне различных видов влияния, в рамках старой функциональной формы постепенно выкристаллизовывается новое содержание, которое закономерно вызывает некоторые новации в области формы. Наконец, высший уровень преемственной связи – усвоение традиций прошлого в снятом виде – дает полную свободу автору по отношению к предшествующей традиции, обращение к которой на этой ступени преемственности рождается в процессе самого творческого акта, будучи предопределенной не зависимостью от внешних источников, но логикой творческого поиска¹.

¹ Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература 18 века. – СПб.: Наука, 1995. – С. 20–22.

Рассмотрим в рамках данной типологии развитие школы русского шеллингианства, так как, во-первых, ее организующим стержнем явилась заимствованная философская система Шеллинга, которую в контексте предлагаемой типологии можно условно обозначить как «традицию», и, во-вторых, она имела собственное развитие на русской почве, что позволяет выявить стадии и эволюцию форм преемственности.

Началом деятельности школы можно считать 1805 г., когда Д.М. Велланский по возвращении из заграничной командировки опубликовал два небольших сочинения, в которых он развивал основные мысли новой системы. И хотя, по признанию самого автора, оба произведения прошли почти незамеченными², тем не менее, начало было положено, а в 1812 г. он выступил с более обстоятельным трактатом «Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные ее начертания всеобщей физиологии». Как следует из названия, первоначально интересы основателя школы лежали в области натурфилософии Шеллинга. В целом, первый этап деятельности школы (нач. XIX в. – 20-е гг. XIX в.) ознаменовался разработкой натурфилософской проблематики, однако уже здесь прослеживается стихийный отход от модели ученического подражания. В основе всех концепций представителей раннего шеллингианства лежала система представлений раннего Шеллинга, вместе с которой были заимствованы и такие ее отличительные черты, как наличие в ней нескольких направлений и подсистем, каждая из которых была построена на собственных принципах, иногда порождающих противопо-

² Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 38.

речивость системы в целом³. Эта специфика «эталонной» философской системы, которая служила ориентиром для русских последователей, и объясняет наличие в работах Д.М. Велланского, М.Г. Павлова, А.И. Галича как религиозно-идеалистической, так и натуралистической линий, разрабатываемых ими в разной степени, в зависимости от личных интересов. Однако на фоне содержательного единства общефилософских идей прослеживаются первые попытки отойти от ученического подражательства. Так, в центре внимания М.Г. Павлова стояла та же проблематика, что интересовала и Велланского – натурфилософская в области онтологии и методологическая в гносеологии. Но он не просто повторял уже высказанное, его выступление знаменовало собой расширение школы и изменение характера философствования, в преподавании которой он выступил «настоящим инициатором»⁴. Велланский и терминологически и тематически был академичен и специален, непонятен для большинства слушателей и читателей. Этот барьер восприятия был частично устранен Павловым, который был доступен большому кругу не только студентов, но и простых читателей, хотя в угоду ясности и понятности изложения подверглось преобразованию и содержание концепции – он во многом упростил и рационализировал учение Шеллинга⁵. Так, стихийно, под влиянием практических интересов, происходило постепенное изменение базисной системы идей, которая начинает жить собственной

жизнью в реципиентной среде. Тем не менее, на первом этапе деятельности школы следует говорить лишь об условном отходе от ученического повторения, так как философские идеи системы Шеллинга подверглись модификации в процессе адаптации, передачи, а не сознательного стремления развить, оригинально продолжить философскую мысль Шеллинга. Видится справедливым предположить, что в немалой степени это обусловлено и практической областью применения и распространения идей раннего шеллингианства, так как и Велланский, и Галич, и Павлов, в первую очередь, являлись преподавателями, их приоритетной целью являлась передача определенной системы знаний читателю и слушателю.

Далее этот корпус идей, в котором условно можно вычленить исходную «традиционную» составляющую и смысловые трансформации, возникшие при передаче первыми русскими интерпретаторами, был развит представителями московского кружка Любоумудров (20-е гг. XIX в. – сер. 30-х гг. XIX в.), который формировался не только под непосредственным влиянием немецких философов, но и под воздействием своих, русских, предшественников. В программной статье «Мнемозины», альманахе, явившимся проводником идей кружка, одной из основных идеологических задач общества выдвигалось требование создания самобытной русской философии. Теоретическими лидерами кружка являлись граф В.Ф. Одоевский и Д.В. Веневитинов, в чьих работах, наряду с ориентацией на «традиционную» систему взглядов Шеллинга, присутствуют элементы новизны. Так, например, основные философские тезисы Веневитинова, сформулированные в письмах к графине NN, основаны на изложении «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга, но нельзя не отметить и существенные отличия

³ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 526.

⁴ Bourmeyster A. L'Idée russe entre Lumières et spiritualité sous le règne de Nicolas Ier, Grenoble, ELLUG, Université Stendhal, 2001, p. 33.

⁵ Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мысли-телефонист: в 2 ч. – М., 1913. – Т. 1. – Ч. 1. С. 116.

рассуждений и результатов, полученных тем и другим. Прежде всего, у немецкого философа и его русского последователя различны трактовки предмета философии: по Веневитинову философия – наука о познании самого познания, которое в его концепции предстает как предметное и извне формируемое. У Шеллинга же предмет философии – чистое самосознание, изолированное от предметности и причинности⁶. Далее, Шеллинг руководствовался дедуктивным методом рассуждения, Веневитинов же устанавливает причинно-генетические связи, что, по мнению самого Шеллинга, оборачивается для философии догматизмом или подменой философии естествознанием. Это различие методов особенно ярко проявляется в отношении вопроса о соотношении объективного и субъективного. По Шеллингу, объективное и субъективное объединены во всяком знании и определить их соответствие в знании не возможно, поэтому в число последующих заданий не входит определение того, что следует брать за исходное. Веневитинов же ставит вопрос на почву причинной зависимости: «или природа есть всему причина... или ум есть существо начальное»⁷. Эти и другие отличия свидетельствуют о первых попытках преодоления «традиционной» системы Шеллинга. Примечательно, что эти элементы новизны и противоречия выражены не в полемическом ключе, а как переложение идей основной системы, которая, по существу, уводит автора все дальше от самого Шеллинга, но формально он позиционирует себя как его последователь. Поэтому в данном случае,

обращаясь к типологии преемственности, можно говорить о неосознанном преодолении «традиции» и привнесении содержательной новизны, которое пока еще формально осмысливается в рамках развития идей базисной парадигмы философских представлений. Таким образом, философские тезисы Веневитинова являются уже не ученическим подражанием, но еще и не влиянием, в силу неотрефлексированности отличия собственной оригинальной трактовки от «традиционной».

Что касается В. Ф. Одоевского, то, говоря о связи его концепции и с немецким идеализмом, следует подчеркнуть, что в отношении этого автора речь идет именно о влиянии, а не о подражании. Существенные отличия его взглядов от философии Шеллинга связаны с тем, что он стремился, опираясь на немецкий источник, решать свои конкретные научно-исследовательские задачи. Система воззрений Шеллинга имела подчиненное значение по отношению к его собственно-философским интересам и выступала как теоретический базис для разработки эстетики, которая больше всего его интересовала. Так, в рамках «традиции» было найдено собственное авторское содержание, которое в более поздний период нашло отражение в оригинальной социологии, психологии и эстетической теории князя Одоевского. Кроме того, в целом процесс эволюции школы просветительского идеализма двигался по пути постепенного освобождения от основных положений шеллингианства, и в этом преодолении пробивалась оригинальная русская философская мысль. Понемногу идеи философии Шеллинга растворились в нерасчлененном единстве философских воззрений западноевропейской философии, воспринятых на русской почве, и стали функционировать как некий

⁶ Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – С. 246.

⁷ Веневитинов Д.В. <Второе письмо о философии> // Д. В. Веневитинов. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Академия. 1934. – С. 257.

интеллектуальный инструментарий, к которому обращался автор для аргументации того или иного тезиса.

Итак, к концу первой трети XIX в. можно говорить о наличии третьей, высшей формы преемственности, – заимствовании традиции в снятом виде. В этот период восприятие европейской философии в целом и философии Шеллинга в частности осуществляется комплексно. В первую очередь, благодаря тому, что к этому моменту был преодолен языковой барьер: были выработаны аутентичные формы презентации философских идей, определены основные понятия, язык философии стал понятнее неспециалистам, хотя обратной стороной этого процесса явилась вульгаризация и некоторое обесценивание престижа философии, которая стала модной забавой для передовой молодежи. Несмотря на это, в целом восприятие европейской философии становится более систематичным и осознанным: во-первых, осваиваются целостные системы философских представлений, а не их редуцированный для каких-то практических целей вариант; во-вторых, это освоение происходит осмысленно, то есть изначально действует установка на передачу философии как особого теоретического знания, требующего определенной культуры мысли, навыка теоретической рефлексии. После первого этапа ученичества, в 30-е гг. XIX в., наступает период критического осмысления западноевропейской философии. Психологическое влияние, которое оказывала новая всеобъемлющая система на неофитов⁸, сменяется логической формой восприятия, не в последнюю очередь это связано с тем, что к этому времени были восприняты несколько философских систем: субъективный идеализм Фихте, система

Канта натурфилософия, философия духа и позитивная философия Шеллинга, философия Гегеля. Наличие альтернативных систем ставило мыслителя в ситуацию самостоятельного осознанного выбора, для которого требовалось, во-первых, изучение этих систем, формирование ясного представления о них; во-вторых, сравнительный анализ, выявление общих и различных черт, с целью выявления предпочтений и формулировки собственной точки зрения. Таким образом, в 30-е гг. способ восприятия западноевропейской философии становится критическим и его можно рассматривать как определенную форму философского творчества. Отныне мыслители обращаются к «традиции» не в силу внешних условий, а согласно логике творческого интеллектуального акта. В этой связи кажется любопытным наблюдение, что в основе действительно оригинальных русских концепций этого периода мы видим синтез идей нескольких философских систем немецкой философии. Так, например, на оформление доктрины славянофильства оказали влияние философия немецкого романтизма⁹, философия Шеллинга¹⁰, И. Канта, Гегеля¹¹, хотя славянофилы не являлись последователями в чистом виде ни одной из этих систем.

Таким образом, процесс усвоения на русской почве философии Шеллинга в контексте предложенной типологии преемственности можно представить в виде трех уровней: 1) повторение, воспроизведение, сопрово-

⁹ Duncan Peter J.S. Russian messianism. Third Rome, revolution, communism and after. London and New York: Routledge. 2000. P. 10. Riasanovsky N. Russia and the West: in the teaching of the slavophiles. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1952. – P. 217–220.

¹⁰ Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). – М. 1986, с. 98.

¹¹ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 1. – М. 1900. – Сс. 36–37; 202; 267; 273; 291; 295–296; 299; 303.

ждающееся небольшими смысловыми трансформациями с целью оптимальной передачи исходной системы; 2) развитие собственных исследовательских задач на основе общих положений базисной концепции; 3) свободное оперирование элементами различных «традиций» в соответствии с логикой авторского интеллектуального поиска. Однако принципиально важным в данном вопросе является не только и не столько создание типологий и классификаций, сколько то, что данный подход заставляет откорректировать способ оценки феномена заимствования на русской почве. Становление русского философского сознания происходило в окружении развитых национальных философских традиций Европы, которые к этому моменту представляли собой систему концепций с богатой предысторией, установившимися авторитетами, богатым письменным наследием. Неудивительно, что русская философия начала свой путь с подражания, тем не менее, этот период ученичества и становления философской рефлексии в русской культуре не следует оценивать как «недофилософию», подражательство и эпигонство, в то же время его не стоит и переоценивать, как некоторое специфическое достоинство русской философии. Данный этап представляет собой, прежде всего, исследовательский интерес, ибо он может во многом объяснить, почему русское философское сознание таково, каково оно есть. Кажется справедливым то предположение, что для наиболее объективной оценки специфики русской философии следует рассматривать процесс ассимиляции заимствованных элементов в динамике, что может прояснить и вопрос о концептуальном статусе русской философии, так как типологически ситуацию заимствования можно представить в виде следующей системы взаимодействий: донорская система («традиция»), реципиентная среда и трансформации

элементов исходной системы на различных уровнях преемственности. Именно эта разность между исходными и результирующими элементами на различных уровнях может дать точное представление о концептуальных признаках, составляющих понятие «русская философия» и об их эволюции.

Литература

- Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. М.-Л.: Academia, 1934. – 533 с.
- Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 26–66.
- Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. В 2-х т. Т. 1. – СПб., 1911. – 440 с.
- Одоевский. Мыслитель-писатель: в 2 ч. – М., 1913. – Т. 1. – Ч. 1. – 617 с.
- Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мысли-тель-писатель: в 2 ч. – М., 1913. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 116.
- Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература 18 века. – СПб.: Наука, 1995. – 349 с.
- Хомяков А. С. Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 1. – М., 1900.
- Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). – М. 1986. – 411 с.
- Шеллинг Ф.В.Г. Система трансцендентального идеализма // Ф.В.Г. Шеллинг. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987 – С. 227 – 489.
- Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет. Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 217–578.
- Bourmeyster A. L'Idée russe entre Lumières et spiritualité sous le règne de Nicolas Ier, Grenoble, ELLUG, Université Stendhal, 2001. – 437 p.
- Duncan Peter J. S. Russian messianism. Third Rome, revolution, communism and after. London and New York: Routledge. 2000. – 235 p.
- Riasanovsky N. Russia and the West: in the teaching of the slavophiles. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1952. – 244 p.